

5. Klymenko T. Rytual yak intertekstualnyi element u romani "Chorna rada" P. Kulisha / T. Klymenko // Literaturoznachni studii [Tekst] : Vyp. 5 / M-vo osvity i nauky, molodi ta sportu Ukrainy, Zhytomyrskiy derzh. un-t im. I. Franka. – Zhytomyr : Vydavnytstvo ZhDU im. I. Franka, 2011. – P. 74-79.
6. Zhuravel M. Perehliad ta vykonannia sudovykh rishen v Hetmanshchyni v druhii polovyni XVII stolittia / M. Zhuravel // Rynkova ekonomika: suchasna teoriia i praktyka upravlinnia. – 2014. – T. 1, vyp. 1. – P. 191-196.
7. Panonko I. Zlochyny ta pokarannia kozatskoi doby / I. Panonko, V. Strus // Naukovi zapysky Lvivskoho universytetu biznesu ta prava. – 2010. – Vyp. 5. – P. 158-163.
8. Sliusarenko V. Formy i metody borotby za hetmansku bulavu I. Briukhovetskoho naperedodni Nizhynskoi "chornoj rady" / V. Sliusarenko // Visnyk Kamianets-Podilskoho natsionalnoho universytetu imeni Ivana Ohienka. Istorychni nauky. – 2015. – Vypusk 8. – P. 200-205.
9. Zheliezko R. Nizhynskiy kozatskyy polk ta hetman Ivan Briukhovetskyi: zavershennia natsionalno-vyzvolnykh zmahan ukrainskoho narodu seredyny XVII st. / R. Zheliezko // Nizhynska starovyna. – Vyp. 13 (16). – K., 2012. – P. 5-14.
10. Dysa K. Istoriia z vidmamy: sudy pro chary v ukrainskykh voievodstvakh Rechi Pospolytoi XVII-XVIII stolittia / K. Dysa. – K. : Krytyka, 2008. – 302 p.

УДК 821.161.1

ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ КАК ЭТНООБРАЗ В РОМАНЕ Ф. В. БУЛГАРИНА "ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ"

Марченко Т. М., д. филол. н., профессор

*Горловский институт иностранных языков
ГВУЗ "Донбасский государственный педагогический университет"
ул. Василия Першина, 24, г. Бахмут*

tanjamarchenko@rambler.ru

В статье рассмотрены основные приёмы создания одного из центральных в русской литературе украинского этнообразов – Запорожской Сечи. Фрагменты произведения, посвящённые её изображению, признаны критиками и литературоведами наибольшей творческой удачей автора. Этнообраз содержит историко-географические, этнографические, бытовые, правописательные составляющие, является важной частью в воссоздании экзотических представлений об Украине в романтической картине мира автора. Запорожская Сечь – символ безграничной вольницы, мощной, стихийной воинской силы. Автор статьи придерживается принятых в современной эйдологии и имагологии подходов, согласно которым понятие "этнообраз" коррелирует с термином "национальный образ мира". Он конструирует не только индивидуальные черты, но и этническую идентичность изображаемого персонажа, ландшафта, явления, исторической эпохи, подавая некоторые его признаки как типичные для определённой страны, как характерные для целого народа в ситуации межкультурного диалога и взаимопознания.

Ключевые слова: этнообраз, национальный образ, исторический роман, романтизм, сюжет.

ЗАПОРОЗЬКА СІЧ ЯК ЕТНООБРАЗ У РОМАНІ Ф. В. БУЛГАРИНА "ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ"

Марченко Т. М., д. філол. н., професор

*Горлівський інститут іноземних мов
ДВНЗ "Донбаський державний педагогічний університет"
вул. Василя Першина, 24, м. Бахмут*

У статті розглянуто основні засоби творення одного з центральних у російській літературі українських етнообразів – Запорозької Січі. Фрагменти твору, присвячені її зображенню, визнані критиками та літературознавцями найбільшою творчою удачею автора. Етнообраз містить історико-географічні, етнографічні, побутові, морально описові складові, є важливою часткою у відтворенні екзотичних уявлень про Україну в романтичній картині світу автора. Запорозька Січ – символ безмежної вольниці, потужної,

стихійної воїнської сили. Автор статті дотримується притаманних для сучасної ейдології та імагології підходів, згідно з якими поняття “етнообраз” корелює з терміном “національний образ світу”. Він конструює не тільки індивідуальні риси, але й етнічну ідентичність зображуваного персонажа, ландшафту, явища, історичної епохи, подаючи деякі його ознаки як типові для певної країни, притаманні для цілого народу в ситуації міжкультурного діалогу і взаємного пізнання.

Ключові слова: етнообраз, національний образ, історичний роман, романтизм, сюжет.

ZAPOROZHSKAYA SICH AS ETHNOLOGY IMAGE IN THE NOVEL OF F. V. BULGARIN “DMITRIY SAMOZVANETS”

Marchenko T. M., d. Philology, Professor

Gorlovka Institute of Foreign Languages

“Donbass State Pedagogical University”

Vasyl Pershyn str., 24, Bakhmut

The author of the article analyses the principal methods of creation of Zaporozhskaya Sich, one of the main Ukrainian ethnology images in Russian literature. The critics and scientists regard the novel fragments, which are dedicated to its representation, as the main creative success of the writer. The ethnology image contains historical, geographical, ethnology, morals and manners components. It is the important part of the process of reconstruction of exotic notions about Ukraine in the romantic world-view. Zaporozhskaya Sich is the symbol of the boundless outlaws, strong, primordial military force. The author of the article hold the opinion, which is accepted in modern science, that notion “ethnology image” correlates with the notion of “national image of the world” It constructs not only individual features, but ethnology identity of the personage, which is depicted, the landscape, the phenomenon, the historical epoch and demonstrates some of its traits as typical for the certain country and the whole nation in the situation of cross-cultural dialog and mutual cognition.

Key words: ethnology image, national image, historical novel, romanticism, subject.

Роман Ф. В. Булгарина “Дмитрий Самозванец” (1829) традиционно рассматривается литературоведами как значительная веха в становлении исторического романа в России. Претендуя на роль русского Вальтера Скотта, писатель создал во многом экспериментальный, пробный образец этого жанра. Как любая экспериментальная работа, произведение отразило авторские находки и трудности, попытки органичного сочетания художественных приёмов воссоздания прошлого и документальной обоснованности повествования. К числу творческих неудач автора литературоведы, как правило, относят создание исторических характеров, главные герои романа Самозванец и Борис Годунов – “заурядно и бледно написанные честолюбцы”, “примитивные и тенденциозные” фигуры [5, с. 17]. Гораздо ярче получились страницы, которые посвящены этнографическим описаниям. “Следуя традиции В. Скотта детально описывать быт и нравы народа, среди которого происходит действие, Ф. В. Булгарин очень живо и выразительно обрисовал общественную и частную жизнь русских XVII столетия. В таких описаниях он оказывается гораздо сильнее, чем в изображении человеческих характеров”, – пишет И. Н. Хаткова [5, с. 18]. Русскими нравами, изображёнными в первой части романа, не исчерпывается этнографический пласт романного текста – вторая часть произведения содержит главы, посвящённые пребыванию Самозванца на Украине. “Сцены, связанные с Запорожской Сечью, можно отнести к бесспорным достижениям беллетриста”, – отмечает Е. В. Жаринов [4]. Эти достижения в создании ярких этнографических зарисовок Запорожской Сечи, отмеченные исследователем, действительно бесспорны – ведь хорошо известная русскому читателю повесть В. Т. Нарезного “Запорожец” (1824), действие которой тоже разворачивается в казацкой республике, написана в традициях условно-исторического, дидактического повествования. Это тематически сходное с романом Ф. В. Булгарина произведение принадлежит времени, когда задача создания национально-самобытной литературы ещё не стояла перед писателями, оно не даёт читателям соответствующих исторической правде представлений о жизни и быте Запорожской Сечи.

Задачей настоящей статьи является анализ признанных литературоведами лучшими “запорожских” страниц романа “Дмитрий Самозванец”. Мы намереваемся показать

Запорожскую Сечь, изображённую Ф. В. Булгариным, как детально воссозданный украинский этнообраз, привносящий в роман атмосферу романтической экзотики.

В современной эйдологии и имагологии понятие этнообраз семантически коррелирует с термином, предложенным Г. Гачевым – “национальный образ”. Как известно, учёный трактует это понятие как триаду “Космо-Психо-Логос”, т.е. единство национальной природы, склада психики и мышления [3, с. 11]. Складываясь в национальном самосознании, эта триада неизбежно становится и составной частью познавательной деятельности других народов в “едином диалектическом процессе ассимиляции-диссимляции культур” [3, с. 13]. Приверженцы понятия этнообраз акцентируют внимание на том, что он конструирует не только индивидуальные черты, но и этническую идентичность изображаемого персонажа, ландшафта, явления, исторической эпохи, подавая некоторые его черты как типичные для определённой страны, как характерные для целого народа [1, с. 352]. Совокупность этнообразов в конечном итоге составляет более или менее целостную национальную картину мира, существующую в ситуации межкультурного диалога и взаимопознания.

В инонациональном восприятии этнообразы всегда позитивно или негативно окрашены и, как правило, символичны. Так, Запорожская Сечь – символ безграничной вольницы, мощной, стихийной воинской силы, в поисках которой и отправляется к днепровским порогам политический авантюрист, объявивший себя русским царевичем Дмитрием. Этот этнообраз – сложный, структурно многоуровневый художественный конструкт, состоящий из исторических, географических, нравоописательных, бытовых компонентов. По сути, это комплекс представлений о Чужом, о “не своем” мире и о “не своей культуре”. “Перед нами предстают не совсем обычные люди, живущие по совершенно иным, весьма отличным от привычных, законам. Романтическая концепция свободы ставит запорожцев над моралью, делает их неким фантастическим племенем, может быть и никогда не существовавшим в подобном виде”, – констатирует Е. В. Жаринов [4].

Процесс реконструкции этнообраза начинается с информации о географическом положении Сечи и её истории, прежде всего – о причинах возникновения столь необычного социального и национального явления в жизни Украины. Коренные жители – старый казак запорожец, а затем священник на хуторе, близ Киева – рассказывают об этом поляку, иезуиту Иваницкому, который выдаёт себя за русского царевича. Ещё раз повторим, вся информация организована с установкой на местный колорит, столь экзотичный как для жителей двух русских столиц, так и для читателей из провинциальной российской глубинки. Так, на вопрос Лжедмитрия, далеко ли от Киева Запорожская Сечь, казак отвечает, что привык “считать в степях даль по воловьему рыку, по выстрелам, по конскому топоту”. Вслед за этим читателя ориентируют в более понятной для него системе координат: от Киева до первого днепровского порога – пятьдесят миль, затем следуют тринадцать порогов, чьи названия приведены в романе. На выстрел из лука от последнего из них – Нижнего Вольного, на острове Хортица расположена Новая Сечь, что в шестидесяти четырёх милях от Киева. Помимо Киева, есть ещё один исторический и пространственный ориентир для запорожцев – Крым, куда от Сечи четыре дня пути.

Именно с Киевом и с Крымом неразрывно связано возникновение и существование казацкого братства на днепровских островах. Священник, хранитель народной памяти, поведал Самозванцу о том, что первые воинские поселения за порогами возникли в начале XIII века, когда татары разорили Киев и опустошили всю Украину: “Несколько тысяч украинцев, не будучи в состоянии противиться превосходной силе татар, скрылись в ущельях и на неприступных островах запорожских и составили первое воинское поселение <...> После взятия и разорения Киева и всей Украины литовским князем Гедимином, число переселенцев за пороги Днепра умножилось...” [2]. Именно с тех пор и казаки стали предпринимать

смелые набеги на Крым, защищая Украину и Польшу от разорения кочевников лучше всяких крепостей.

Геополитическое значение Сечи хорошо понимал польский король Стефан Баторий, который “признал кошевого атамана в звании гетмана, позволил казакам выбирать всех своих чиновников, дав им грамоту, булаву, знамя и литавры в ознаменование того, что он признаёт права запорожцев войском почётным” [2].

Польский шляхтич по происхождению, Ф. В. Булгарин акцентирует внимание на извечной привязанности украинцев и казаков к Польше. Бесперывные сношения с донскими казаками, которые толпами бежали на Запорожье, спасаясь от притеснений московских воевод и бояр, поддерживали давнюю неприязнь запорожцев к “москалям” и лишь введение унии привело к зарождению раздоров и даже ненависти к Польше. “Здесь привыкли к такой воле, что одно воспоминание о царе Иване Васильевиче подирает морозом по коже. Теперь, даже при недовольствиях за введение унии, Наливайко и Косинский, которые бунтовали противу Польши, хотели поддаться хану крымскому или султану турецкому, но не России” [2]. Не случайно главный герой романа Лжедмитрий надеется на антирусские настроения, вербуя себе сторонников в Сечи. Эти историко-политические реалии, приведенные в романе, весьма показательны. Ф. В. Булгарин, известный своей верноподданностью, тем не менее, не отступил от исторической правды, он далёк от официальной версии о неизменной преданности казаков Москве.

С историко-географической информацией органично связаны детальные описания нравов, традиций и обычаев запорожцев. Не менее экзотично, чем географическое положение, описаны и условия вступления в запорожскую воинскую республику: “принимают в казаки всех, кому Бог дал силу и смелость. Будь он поляк, татарин, волох, венгр или немец, только б крестился в русскую веру, десять лет не женился да переправился в ладье через пороги – так и наш...” [2]. Ещё одна интересная достоверная деталь, указанная автором романа, – на выстрел из лука от последнего порога запорожцы на небольшом острове варили кашу в знак преодоления всех опасностей. Остров этот так и назывался – Кашеварица. Самозванцу, чтобы быть принятым в запорожское братство, тоже пришлось преодолеть страшные днепровские пороги, управляя лодкой.

Из уст героев романа читатели узнают о нехитрых законах и правилах жизни в запорожской республике: “...В Сечи не терпят ни баб, ни латинов, ни паньчей, ни каких неженков. У нас должно быть закалённым, как булат, на всякую беду и опасность <...> Пасём коней, едим саламату до пьём вино, пока есть, а нет, так на коней, да и в Крым, или в лодки да в Туреччину, так и всего довольно. Наш брат казак умеет и весело жить, и весело потерпеть. Нет мяса и муки, так сосём лапу, как медведь, пьём днепровскую водицу да попеваем о старых походах до нового без горя и кручины <...> У нас жизнь – что старый кафтан. Сбросил с плеч – легче! Сегодня жить, а завтра гнить! День мой, век мой...” [2].

Воссоздавая экзотический мир казацкой вольницы, Ф. В. Булгарин далёк от романтической идеализации казачества. Он неоднократно подчёркивает дикость и жестокость нравов, царящих в Сечи – ужасающую невежественность, неряшливость, невоздержанность в питии и еде. Е. В. Жаринов отмечает, что такого рода фрагменты выполнены в стиле “украинского раблезианства” – “езде были видны кучи мяса и рыбы, бочки с вином и пивом...” [4]. Самозванец, попав в Сечь, даёт ей такую краткую, но ёмкую характеристику – “чудное сборище злого и глупого”. Это определение постепенно расширяется и конкретизируется: “Только в Сечи добром называют то, от чего добрые люди в другом месте крестятся, а злом почитается то, в чём другие ищут спасения. Пить, бить, резать, грабить, не щадя своей жизни, называется здесь высочайшей добродетелью, а умеренность, сострадание, уважение чужой собственности и попечение о сохранении своей жизни почитаются величайшими пороками. Вот запорожская нравственность!” [2].

Вместе с тем писатель отмечает железную дисциплину и трезвость в казацком войске во время похода, законы побратимства, свято соблюдаемые казаками, уважение к людям “книжным”, “когда они не хвастаются своим знанием”.

Особенно подробно автор романа описывает воинский быт и нравы запорожского казачества. Как известно, казаки одинаково успешно воевали на суше и на море, и читатели романа получают возможность воочию представить себе казацкий табор и флотилию чаек, на которых смельчаки отправлялись к берегам Босфора. Большую достоверность излагаемым сведениям придаёт тот факт, что автор вложил их в уста поляка Меховецкого, который стал запорожцем и не раз был участником сухопутных и морских баталий. “...В сухопутных походах мы кладём на телеги съестные припасы и военные тяжести, запрягаем волов или лошадей и идём, прикрывая телеги и прикрываясь ими в случае нападения. Пешие казаки стреляют из-за телег, как из-за шанцев, и удерживают натиск конницы неприятельской. <...> Сто казаков в таборе, то есть за телегами, не боятся 1000 поляков <...> Телеги наши так устроены, что дышло можно прикрепить к обеим сторонам, оттого мы можем подвигать наш табор в разные направления с большим удобством. Телеги наши всегда прикрываются сырыми кожами, которые смачиваются, и это предохраняет нас от татарских стрел с огнём” [2]. В мирное время описанный табор использовался казаками для охраны несметных стад волов и табунов лошадей, которые паслись в степи под вооружённой охраной. Прибывшему в Сечь Самозванцу показывают обширную равнину на расстоянии двух вёрст от Сечи, где у речки Чертомлык двадцать тысяч телег уставлены в четыре четырёхугольника крестообразно, с пушками по углам.

Подготовка к морскому походу, сам поход и взятие турецкого Трапезунда подробно описаны в седьмой главе второй части романа. Вначале две недели на берегу Днепра отряд искусных ремесленников и опытных в постройке судов казаков строил сто чаек. “Чайка в длину имеет около восьми, в ширину и в глубину до двух сажень. Построены чайки из досок твёрдого дерева, прибитых гвоздями к основе. Сверху они гораздо шире, нежели в подводной части. По обеим сторонам чайки прикреплены большие связки тростника, чтоб судно не перевернулось в качке. На обоих концах по рулю и на каждом боку по пятнадцать больших вёсел. В середине складная мачта с одним четвероугольным парусом. <...> Каждое судно нагрузили съестными припасами, водою и вооружили четырьмя или шестью небольшими пушками. На каждую из ста чаек село восемьдесят человек” [2]. Выступление в поход – ритуал с ярко выраженным элементом сакральности. Ночь накануне проходит в веселии, это прощание с остающимися товарищами. С восходом солнца вся Сечь собирается на площади у церкви. Благовестят колокола, священник совершает “молебствие с коленопреклонением”, кропит святой водою знамя атаманское и допускает приложиться к кресту всех уходящих в море. Он призывает хранить православную веру и свободу Запорожья. Каждый казак, крестясь, прикладывается к земле, целует её и берёт горсть, которую в куске полотна привязывает к нательному кресту, ибо закон казацкий таков – “схоронить кости, или в земле родимой, или с землёй родимой”. Под звуки труб и литавр атаман, неся сам войсковое знамя, покидает Сечь с казаками.

Нельзя не отметить точность описаний запорожского воинского быта и нравов, обилие деталей, свидетельствующих о тщательной, скрупулёзной работе с историческими источниками. Сам автор в примечаниях к роману назвал труды историографов, послуживших документальной основой для его художественного произведения. Всё, что говорится о запорожцах, почерпнуто из “Описания Украины” (1650) французского инженера Г. Л. Боплана, долгие годы служившего польскому правительству, и из четырёхтомной “Истории Малой России от водворения славян до уничтожения гетьманства” (1822) Д. Н. Бантыш-Каменского. Столь скрупулёзное воссоздание местного (т.е. казацкого – Т. М.) колорита, равно как и авторские указания на источники, дают основания оспорить

утверждения И. Н. Хатковой о том, что “...изучение истории было у Булгарина не очень тщательным” [5, с. 15].

Сложный, структурно многоуровневый образ Запорожской Сечи, воссозданный Ф. В. Булгариным, стал одной из содержательных составляющих в формировании у русского читателя первой половины XIX века представлений об Украине, об украинской ментальности. Благодаря таким конструктам в русской романтической картине мира формируется широкий пространственный образ “оконечностей живописных” (П. А. Вяземский), которыми изобилует Российская империя.

Описание Запорожской Сечи в “Дмитрии Самозванце” свидетельствует о том, что Ф. В. Булгарин, по сути, предвосхищает будущие художественные открытия классика русской литературы Н. В. Гоголя, сделанные в “Тарасе Бульбе”. Е. В. Жаринов, отмечая факт тесного творческого общения двух писателей осенью 1829 года, констатирует наличие в русской литературе довольно интересной закономерности. “Несерьёзная беллетристика оказывается несколько впереди большой литературы и даёт пищу для дальнейших плодотворных размышлений более талантливому писателю” [4]. Это наблюдение должно вызвать у современных историков литературы новый вопрос, нуждающийся в осмыслении: так ли уж “несерьёзна” беллетристика Ф. В. Булгарина?

ЛИТЕРАТУРА

1. Будний В. Порівняльне літературознавство / В. Будний, М. Ільницький. – К. : Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2008. – 430 с.
2. Булгарин Ф. В. Дмитрий Самозванец. Ист. роман [Электронный ресурс] / Под общ. ред. и с примеч. С. Ю. Баранова. – Вологда : ПФ “Полиграфист”, 1994. – Режим доступа : az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0260.shtml
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. – М. : Культура, 1995. – 480 с.
4. Жаринов Е. В. Романтическая беллетристика в России. Исторический роман и повесть [Электронный ресурс] / Е. В. Жаринов. – Режим доступа : www.samopiska.ru/main_dsp.php
5. Хаткова И. Н. Историческая тема в русской литературе 1830-х годов и романы Ф. В. Булгарина / И. Н. Хаткова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып.1. – С. 15-26.

REFERENCE

1. Будний, Василь та Микола Ільницький. *Порівняльне літературознавство*. Київ: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2008.
2. Булгарин, Фаддей. *Дмитрий Самозванец (исторический роман)*. Общ. ред. и примеч. С. Ю. Баранова. www.az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0260.shtmllya perevoda
3. Гачев, Георгий. *Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос*. Москва: Культура, 1995.
4. Жаринов, Евгений. *Романтическая беллетристика в России. Исторический роман и повесть*. www.samopiska.ru/main_dsp.php
5. Хаткова, Ирина. “Историческая тема в русской литературе 1830-х годов и романы Ф. В. Булгарина”. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение*. 1 (2010):15-26.